

УДК 343.35

DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(4).801-811

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ О НЕЗАКОННОМ ОБОГАЩЕНИИ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Д.В. Лобач, Е.А. Смирнова

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
8 января 2015 г.Дата принятия в печать
10 ноября 2016 г.Дата онлайн-размещения
29 декабря 2016 г.

Ключевые слова

Коррупция; незаконное обогащение;
борьба с коррупцией;
коррупционный акт;
уголовная политика; преступность

Финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых на выполнение научного исследования по теме «Международный терроризм как угроза всеобщему миру и национальной безопасности: политико-правовые меры противодействия в архитектонике международной безопасности и в национальном законодательстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона», проект МК-8113.2016.6

Аннотация. В статье рассматриваются криминологические и правовые проблемы регламентации ответственности за незаконное обогащение в российском законодательстве. Доказывается несостоятельность предлагаемой в теории российского уголовного права идеи о необходимости криминализации незаконного обогащения и оправдывается криминологическая целесообразность правового закрепления этого феномена в отраслевом законодательстве в отношении любого физического лица, расходы которого значительно превышают его официальные доходы. С криминологической точки зрения имплементация международной нормы о незаконном обогащении в российское законодательство позволит в упрощенном порядке начать выводить криминальные активы из теневого сектора экономики, в котором общий объем коррупции составляет около 300 млрд дол., что значительно больше незаконного оборота наркотиков, оцениваемого в 10–15 млрд р. в год. По данным социологических и криминологических исследований, в современной России регулярно берут взятки не менее 70 % муниципальных служащих, 80 % судей и сотрудников ГИБДД, около 40 % врачей и 60 % преподавателей вузов. Кроме того, противодействие незаконному обогащению должностных лиц в какой-то степени будет способствовать снижению напряженности в обществе, так как станет возможным изымать сверхдоходы в бюджет государства, следовательно, преобладающим будет фактор восстановления социальной справедливости. Параллельно выявляются законодательные дефекты правовой регламентации ответственности за неосновательное обогащение в рамках административного законодательства в отношении определенной категории должностных лиц, обозначенных в законе. В статье также обосновывается вывод о том, что в уголовном праве зарубежных государств в отношении определенных преступлений допускается применение презумпции виновности, что повышает эффективность защиты публичных интересов общества и государства от наиболее опасных и сложно доказуемых преступлений, обуславливающих незаконное обогащение. Анализируется также международная судебная практика привлечения к уголовной ответственности за незаконное обогащение, что позволяет выявить специальные условия правомерности применения презумпции виновности при инкриминировании данного деяния.

ISSUES OF IMPLEMENTING THE INTERNATIONAL LAW NORM ON ILLICIT ENRICHMENT IN RUSSIAN LEGISLATION

Dmitriy V. Lobach, Evgenia A. Smirnova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received
2015 January 8
Accepted
2016 November 10
Available online
2016 December 29

Keywords

Corruption; illicit enrichment; struggle
against corruption; act of corruption;
criminal policy; crime

Abstract. The paper examines the criminological and legal issues of regulating liability for illicit enrichment in Russian legislation. The authors prove the unsubstantiated character of the idea incorporated in the theory of Russian criminal law that it is necessary to criminalize illicit enrichment; they offer arguments to support the criminological expediency of legally including this phenomenon in sectoral legislation in relation to any physical person whose expenses considerably exceed his or her official income. From the criminological viewpoint, the implementation of international norm on illicit enrichment into Russian legislation will allow to simplify the transfer of criminal assets from the shadow sector of the economy, where the general volume of corruption is about 300 bln US dollars. It greatly exceeds illegal drug trade, estimated at 10–15 bln US dollars a year. According to sociological and criminological research data, at least 70 % of municipal employees, 80 % of

Financing

The manuscript is written with the support of the Grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scholars for research project «International Terrorism as a Threat to Universal Peace and National Security: Political and Legal Measures of Counteraction in the Architectonics of International Security and in the National Legislation of the Asian Pacific Countries», Project MK-8113.2016.6

judges and road police employees, about 40 % of medical specialists and 60 % of university lecturers in Russia take bribes on a regular basis. Besides, counteraction to illicit enrichment of officials will, to some extent, contribute to reducing the social tension as it will become possible to confiscate excessive income for the benefit of state. Consequently, the restoration of justice will be the dominant factor. The authors simultaneously identify legislative drawbacks in the regulation of liability for illicit enrichment within the framework of administrative legislation in relation to a certain category of officials stated in the law. The authors also prove that criminal legislation of other countries allows to use the presumption of guilt regarding some crimes, which increases the effectiveness of protecting public interests and interests of the state against the most dangerous and hard-to-prove crimes resulting in illicit enrichment. They also analyze international court practice of criminal liability for illicit enrichment and identify special conditions for the legal use of the presumption of guilt when incriminating this act.

В конце XX — начале XXI в. одной из наиболее злободневных социальных проблем как для отдельных стран, так и для всего мирового сообщества стала коррупционная преступность, обусловленная стремлением государственных, муниципальных и международных должностных лиц и служащих к обогащению в ущерб публичным интересам государства и общества. В связи с этим в международном уголовном праве были разработаны универсальные конвенционные правовые акты, направленные на борьбу с коррупционными преступлениями, нормативные положения которых в дальнейшем последовательно в той или иной степени имплементируются в национальное законодательство разных государств. К таковым документам относятся Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. Все три конвенции ратифицированы Российской Федерацией, а их положения в большинстве своем были имплементированы в ряд нормативно-правовых актов, составляющих национальное антикоррупционное законодательство.

Между тем отдельные положения этих документов пока не нашли своего отражения в российском законодательстве, поскольку рассматриваются как неприемлемые в силу противоречия основополагающим национальным принципам российской правовой системы. В этом плане обращает на себя внимание и вызывает некоторые дискуссии в политической, научной и правоприменительной сферах правовая норма ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, в которой в отношении государств закреплено предписание рассмотреть возмож-

ность принятия таких законодательных и других мер, которые могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния умышленное незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать¹. В правоприменительном плане данная норма означает, что лица, наделенные властными, организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями, а равно лица, выполняющие публичные функции, могут привлекаться к уголовной ответственности, если их имущественное благосостояние будет явно и необоснованно превышать их официальные, законные доходы при отсутствии доказательств правомерности приобретения этого имущества. Основная идея подобного подхода заключается в переориентировании правоохранительных органов с доказывания совершения самого криминального деяния (коррупционного акта) на выявление и фиксирование факта незаконного обогащения. Иными словами, акцент переносится с криминального деяния на криминальный результат на основании предположения о виновности лица, живущего не по средствам, что априори, вероятно, увеличит положительный эффект от борьбы с коррупцией, так как в этом случае отпадает необходимость в сложной следственной деятельности по доказыванию первичного (предикатного) преступления.

Многие государства мира (Алжир, Ангола, Бангладеш, Боливия, Бутан, Венесуэла, Га-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31 окт. 2003 г. резолюцией 58/4 на 51-м пленар. заседании 58-й сес. Генер. Ассамблеи ООН // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

бон, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мадагаскар, Мексика, Непал, Никарагуа, Панама, Парагвай, Руанда, Сьерра-Леоне, Уганда, Чили, Эль-Сальвадор, Эфиопия, Ямайка, Западный берег реки Иордан и сектор Газа) в целях более эффективной борьбы с коррупцией закрепили в своих национальных уголовных законах ответственность за незаконное обогащение еще до принятия Конвенции ООН против коррупции. Другие государства (Аргентина, Ботсвана, Бруней-Даруссалам, Гондурас, Гайана, Египет, Индия, Китайская Народная Республика, Лесото, Ливан, Македония, Малави, Малайзия, Нигер, Пакистан, Перу, Сенегал, Филиппины, Эквадор) пошли по пути правовой имплементации международной нормы о незаконном обогащении, изложенной в ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, в свои национальные уголовные законы с учетом общих принципов правовых систем и специфики юридической техники [1, р. 67–88; 2, р. 347–348]. В некоторых странах Европы ответственность за незаконное обогащение предусмотрена в налоговом, трудовом и административном законодательстве, что позволяет говорить о межотраслевой регламентации этого явления [3; 4].

Компаративистский анализ уголовно-правовых норм о незаконном обогащении, представленных в уголовных законах указанных стран, позволяет выявить характерные черты нормативно-правовой регламентации презумпции виновности, которые в обобщенном виде с определенной долей релевантности по содержанию можно свести к следующим положениям: 1) в системе уголовно-правового регулирования ответственности презумпция виновности устанавливается в отношении лиц, наделенных публично-властными полномочиями или выполняющих производные от этих полномочий функциональные обязанности; 2) презумпция виновности в отношении специального субъекта является исключением из общего правила привлечения к уголовной ответственности в условиях презумпции невиновности; 3) законодательное закрепление презумпции виновности за незаконное обогащение свидетельствует об объективном вменении только при существенном превышении активов должностного лица над его официальными доходами.

В международной судебной практике реализации презумпции виновности при привлечении к уголовной ответственности за незаконное обогащение были сформулированы

условия правомерности инкриминирования данного деяния. В частности, Европейский суд по правам человека в решении по делу «Салабиаку против Франции» определил, что презумпция виновности в отношении незаконного обогащения будет правомерной при условии соблюдения разумных пределов обвинения и реальной возможности опровержения выдвинутой презумпции². Разумные пределы обвинения в незаконном обогащении заключаются в достаточной процессуальной доказанности несоответствия рыночной стоимости активов уровню заработной платы или иным официальным доходам. В этих целях должны использоваться традиционные методы правоохранительной деятельности по доказыванию факта подобного несоответствия, такие, например, как сбор фактических данных, выявление свидетелей, исследование финансовых документов и заключенных сделок, отслеживание операций с имуществом и денежными средствами. Что касается возможности опровержения презумпции виновности в рамках выдвинутого обвинения, то здесь Европейский суд по правам человека резюмировал, что за обвиняемым сохраняется право на разумное объяснение источников происхождения его активов. В то же время судом было отмечено, что молчание обвиняемого в совокупности с достаточным доказательством несоответствия его официальных доходов активам, приобретенным во время исполнения им служебных обязанностей, может быть расценено как коррупционное преступление. Таким образом, Европейский суд по правам человека в представленном решении выразил позицию допустимого сомнения в легальном происхождении активов обвиняемого в ситуации, когда он не может разумным образом обосновать превышение этих активов над официальными доходами либо отказывается это сделать.

Важно отметить и то, что криминализация незаконного обогащения выступает радикальным инструментом антикоррупционной политики и преследует цель подорвать материальную базу и мотивы корруптеров, а также противодействовать наиболее латентным и завуалированным проявлениям коррупции, что

² Integrating Human Rights in the Anti-Corruption Agenda: Challenges, Possibilities and Opportunities [Electronic resource] // Department for International Development. URL : [http://r4d.dfid.gov.uk/PDF/Outputs/ICHRP/integrating-humrights\].pdf](http://r4d.dfid.gov.uk/PDF/Outputs/ICHRP/integrating-humrights].pdf).

будет способствовать неотвратимости наказания. По справедливому мнению Д. Вилшера, криминализация незаконного обогащения позволит бороться с наиболее опасными видами коррупционной преступности высокопоставленных государственных служащих, а также исключит необходимость проведения сложных финансовых расследований в отношении коррупционеров [5, р. 33–41]. Нельзя не согласиться и с позицией В.Н. Боркова о том, что криминализация незаконного обогащения является вынужденной реакцией государства на повышенную латентность и опасность корыстных должностных преступлений, так как их оборотной стороной является причинение чиновником вреда публичному интересу. При этом величина суммы незаконно нажитых коррупционером денежных средств прямо пропорциональна мере предательства интересов личности, общества и государства [6, с. 19]. В общем и целом можно отметить, что в теории уголовного права сформировалось положительное отношение к криминализации незаконного обогащения как к преступлению коррупционной направленности [7–14].

Установление уголовно-правовой ответственности за незаконное обогащение базируется на предположении о виновности лица, неспособного разумным способом обосновать превышение его активов над официальными доходами. Перенос бремени доказывания виновности со стороны обвинения на самого обвиняемого обуславливает наложение на него обязанности по защите права собственности в отношении активов, составляющих незаконное обогащение, и законных интересов в части справедливого расследования.

С криминологической точки зрения имплементация норм о незаконном обогащении в российское законодательство позволит в упрощенном порядке начать выводить криминальные активы из теневого сектора экономики, в котором общий объем коррупции в 2013 г. составлял, по сведениям Национального антикоррупционного комитета, около 300 млрд дол., что значительно больше незаконного оборота наркотиков, оценивающегося в 10–15 млрд р. в год³. По данным социологических и криминологических исследований, в современной России регулярно берут взятки не менее 70 % муници-

пальных служащих, 80 % судей и сотрудников ГИБДД, около 40 % врачей и 60 % преподавателей вузов [15, с. 31]. При этом процесс коррумпированности общественных отношений в России за последние 15 лет, по оценке международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру Transparency International, характеризуется тенденцией к росту (если в 2000 г. Россия занимала 82-е место по уровню коррупции, то уже в 2015 г. — 119-е)⁴.

Кроме того, противодействие незаконному обогащению должностных лиц в какой-то степени будет способствовать снижению напряженности в обществе, так как станет возможным изымать сверхдоходы в бюджет государства, следовательно, преобладающим будет фактор восстановления социальной справедливости. При этом в Конвенции ООН против коррупции делается важная оговорка о значительном размере несоответствия между имущественным положением и официальными доходами должностного лица. Установление значительного размера незаконного обогащения позволит не тратить силы и средства на факты незначительного обогащения, а также исключит ситуацию, когда правоохранные органы смогут отчитываться фактом привлечения к ответственности за незначительное незаконное обогащение [16, с. 235], обеспечивая тем самым нужную ведомственную статистику.

В то же время, несмотря на криминологическую целесообразность криминализации незаконного обогащения, осуществить уголовно-правовое закрепление рассматриваемого явления представляется крайне сложной задачей по ряду причин. Во-первых, закрепление ответственности за незаконное обогащение приведет к юридико-техническому дефекту конструирования уголовно-правовой нормы, поскольку ее диспозиция будет охватывать имущественное положение виновного лица — его активы, которые значительно превышают официальные доходы. Криминализация незаконного обогащения, как справедливо отмечает Верховный Суд РФ, является следствием конкретных, в том числе должностных, преступлений корыстной направленности (ст. 290,

³ Объем рынка коррупции в России в 30 раз больше рынка наркотиков [Электронный ресурс]. URL : <http://top.rbc.ru/society/08/04/2013/852951.shtml>.

⁴ Corruption perception index [Electronic resource] // Transparency international: The global coalition against corruption. URL : <http://www.transparency.org/cpi2015>.

285, 289 УК РФ)⁵. Поэтому криминализация незаконного обогащения подменяет правовую сущность преступления именно как деяния, делая преступным только факт имущественного положения (результат деяния). Это означает, что в предложенном варианте правового закрепления незаконного обогащения выпадает объективная сторона преступления как необходимый элемент его состава. Кроме того, сложным представляется также вопрос и об объекте преступления, в связи с чем необходимо будет решить, на какие общественные отношения посягает это преступление. Из целей Конвенции ООН против коррупции следует, что незаконное обогащение посягает на отношения государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, на что в первую очередь указывает статус специального субъекта преступления — публичное должностное лицо. Однако, как уже было заявлено, незаконное обогащение основано на предположении о том, что имущественное благосостояние такого лица было существенно увеличено в результате использования именно своих служебных полномочий и иных преимуществ по службе. В то же время нельзя сбрасывать со счетов, что сомнительный капитал может возникнуть в результате совершения преступлений против собственности или в сфере незаконной экономической деятельности без использования своих должностных полномочий. Следовательно, в подобных ситуациях незаконное обогащение предстает в иной ипостаси — как преступление, посягающее на общественные отношения владения, пользования и распоряжения собственностью, или как преступление, которое посягает на общественные отношения, связанные с производством, распределением, потреблением или обменом товаров и услуг. Поставленный вопрос не только интересен в теоретическом контексте, но также весьма актуален в законодательном плане, так как возникает проблема отнесения нормы о данном преступлении к соответствующей главе Уголовного кодекса.

⁵ Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Государственная Дума : офиц. сайт. URL : <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=600388-5&02>.

Во-вторых, криминализация незаконного обогащения будет способствовать возникновению коллизий в правоприменительной деятельности, что породит закономерные сложности правильной квалификации. Привлечение к уголовной ответственности за незаконное обогащение переkreщивается с реализацией ответственности за иные коррупционные преступления в нарушение принципа справедливости, в соответствии с которым лицо не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление. Ситуация, когда лицо привлекается к уголовной ответственности сначала за незаконное обогащение (т.е. результат коррупционного акта), а потом за сам акт (например, доказываемый факт получения взятки, повлекший неправомерное увеличение доходов), свидетельствует о регулятивном расширении действия уголовного закона, поскольку результат криминального деяния является его частью. Следовательно, осуждение виновного лица за коррупционный акт предполагает реализацию ответственности не только за фактические действия, но и за наступившие последствия, выразившиеся в незаконном обогащении, поэтому повторность ответственности за обогащение недопустима.

В-третьих, уголовно-правовое запрещение незаконного обогащения только в отношении специального субъекта публично-властных отношений в нарушение принципа равенства неминуемо породит дискриминационный эффект действия уголовного закона, так как иные категории лиц, активы которых также могут значительно превышать официальный заработок при отсутствии разумного объяснения имущественного положения, смогут избежать уголовной ответственности за незаконное обогащение. Фактически это означает, что коррупционер будет привлекаться к ответственности за незаконное обогащение, в то время как криминальный авторитет, сделавший состояние на грабежах, заказных убийствах, наркоторговле, не будет подпадать под действие уголовного закона, избегая тем самым ответственности за незаконное обогащение, пока не будет доказана его причастность к предикатному преступлению.

Наконец, признание незаконного обогащения в качестве преступления будет свидетельствовать о правовой регламентации не деяния, а опасных качеств личности. Таким образом, в уголовно-правовую сферу регулирования обще-

ственных отношений будут попадать не деяния субъекта, а сам субъект в силу наличия у него определенных свойств, отрицаемых государством и признаваемых обществом опасными для сложившегося правопорядка.

В теории уголовного права отмечается, что незаконное обогащение не может быть криминализовано в том виде, в котором оно представлено в ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, в связи с тем что диспозиция незаконного обогащения не согласуется с конституционными положениями и основополагающими принципами российской правовой системы, поэтому реализация идеи ответственности за незаконное обогащение без ущерба для принципиальных основ российской правовой системы видится в развитии института обязательств вследствие неосновательного обогащения [17, с. 83].

С подобным утверждением следует согласиться лишь отчасти. Незаконное обогащение в предложенной Конвенцией интерпретации не в полной мере соответствует конституционному принципу невиновности, так как налицо возложение на обвиняемого и подозреваемого бремени доказывания, что в силу ч. 2 ст. 49 Конституции РФ недопустимо. В этом плане Конституционный Суд РФ высказал четкую правовую позицию, согласно которой обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, при этом если обвиняемый воспользовался названным конституционным правом, то это не может служить основанием ни для признания его виновным в инкриминируемом преступлении, ни для наступления каких-либо неблагоприятных последствий, связанных с применением процессуальных санкций, в том числе с ограничением возможности реализации им своих процессуальных прав⁶. В то же время справедливости ради следует сделать оговорку о том, что по общему правилу признание вины лица в совершении преступления в силу недоказанности обратного означает в чистом виде объективное вменение, но применительно к публичному лицу (должностное лицо и служащий) это правило может не срабатывать, что объясняется

⁶ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституц. Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.

особенностями конституционно-правовых ограничений государственных служащих. Дело в том, что Конституция РФ допускает ограничение конституционных прав (в нашем случае право считаться невиновным, пока не будет доказано обратное) в отношении государственных должностных лиц и служащих на основании закона. Эту позицию неоднократно в своих постановлениях отражал Конституционный Суд, указывая, что гражданин, реализуя право на свободное распоряжение своими способностями к труду путем поступления на государственную службу, добровольно избирает профессиональную деятельность, занятие которой предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении им конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей, возложенных на государственных служащих сообразно соответствующему виду государственной службы⁷. Однако если в рамках уголовного права правило о недопустимости объективного вменения можно обойти через конституционно-правовое регулирование возможных ограничений конституционных прав в связи с поступлением на государственную службу, то в уголовно-процессуальном законодательстве вопрос остается открытым, поскольку установление вины в уголовном процессе при постановлении приговора является обязательным условием для его законности, обоснованности и справедливости (ч. 1 ст. 299 УПК РФ)⁸.

Между тем, несмотря на все приведенные выше аргументы, обосновывающие сложность криминализации незаконного обогащения, данный феномен нельзя оставлять без правовой регламентации. Публично-властные отношения и интересы общества, представляемые государственными, муниципальными и коммерческими органами и учреждениями, должны быть максимально обеспечены, а меры го-

⁷ По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина : постановление Конституц. Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 28. Ст. 4261.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

сударственного реагирования, применяемые против преступности, должны отвечать условиям социальной организации общества и характеру современных угроз. Опасность коррупции, ставшей уже давно институциональным, массовым и системным явлением [18, с. 129–135], для человека, общества и государства ни у кого не вызывает сомнения, поэтому правовое закрепление незаконного обогащения позволит стратегически воздействовать на коррупционные отношения.

Межотраслевой анализ норм о неосновательном обогащении с учетом специфики властно-публичных отношений позволяет сделать вывод о присутствии в российском законодательстве ряда правовых норм, регламентирующих сходные с незаконным обогащением институты и некоторые процедурные правила обращения в доход государства незаконных или юридически не подтвержденных активов. По этому вопросу в правовой литературе существует позиция, согласно которой нет необходимости криминализации незаконного обогащения, поскольку в российском уголовном законодательстве уже имеются альтернативные уголовно-правовые нормы, представленные через институт конфискации и наказание в виде кратных штрафов за коррупционные преступления [19, с. 116]. Не отрицая положительных сторон конфискации и кратных штрафов, все-таки не следует их отождествлять с уголовно-правовым закреплением незаконного обогащения. Институт конфискации имущества, полученного в результате преступления, регламентирует необходимость установления предикатного преступления, т.е. первичного криминального деяния, совершение которого обусловило незаконный доход. Мало того что сложности возникают в связи с доказыванием коррупционного преступления, и сама конфискация имущества во многом ограничена регулятивным действием закона — конфискация не как наказание, а как иная мера уголовно-правового характера в отношении определенных преступлений. Парадокс очевиден: у коррупционера можно изъять имущество, полученное только по последней коррупционной сделке, но все другое имущество, приобретенное в результате недоказанной коррупционно-криминальной деятельности в прошлом, остается в его «законной» собственности. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера не позволяет предотвратить

коррупционное обогащение и компенсировать ущерб от коррупционных преступлений. Так, со ссылкой на данные ГИАЦ МВД РФ российский криминолог В.С. Овчинский провел свои расчеты и пришел к выводу, что ущерб от коррупционных преступлений в 9,3 тыс. раз больше арестованного в целях конфискации имущества [20, с. 117]. Арифметика здесь проста: чем больше чиновник заполучил по коррупционной сделке, украл или присвоил, тем больше останется в его кармане после привлечения его к уголовной ответственности. Введение кратных штрафов частично исправляет ситуацию с незаконным обогащением, но, к сожалению, данный вид наказания устанавливается только за взяточничество, коммерческий подкуп и незаконное перемещение денежных средств, в то время как коррупционная преступность — это более широкое понятие, включающее в себя злоупотребление служебным положением, злоупотребление полномочиями, незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами⁹. Кроме того, кратные штрафы, так же как и конфискация, могут применяться лишь после установления совершенного преступления. Именно доказывание первичного (предикатного) преступления является качественным отличием от незаконного обогащения, предложенного Конвенцией ООН против коррупции. Таким образом, можно констатировать, что в действующем российском уголовном законодательстве закреплен весьма ограниченный арсенал противодействия незаконному обогащению.

В гражданском законодательстве с незаконным обогащением во многом сходен институт неосновательного обогащения. Особый интерес представляет административно-правовой механизм обращения в государственную собственность неподтвержденных активов должностных лиц. Так, в ст. 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, за-

⁹ О противодействии коррупции : федер. закон РФ от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 15 февр. 2016 г.) // Российская газета. 2008. 30 дек. ; Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 7. Ст. 912.

мещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ закреплено, что генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры при получении материалов проверки в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в этом законе, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы¹⁰. По сути, это первый шаг на пути признания необходимости государственного реагирования в отношении неподтвержденных доходов должностных лиц. Представленная норма закона регламентирует процедуру инициирования судебного процесса об обращении в доход государства неосновательно приобретенного имущества. В общем и целом незаконное обогащение не связано с деликтными правоотношениями, поскольку вред напрямую никому не причиняется, хотя в то же время и делается предположение, что обогащение происходит за счет злоупотребления властью в ущерб публичным интересам. С принятием этого закона законодатель расширил основания лишения права собственности должностного лица в рамках гражданского законодательства по факту неподтвержденного превышения расходов над его официальными доходами.

Между тем, несмотря на очевидную значимость этого нововведения в направлении борьбы с коррупционной преступностью, все же некоторые вопросы требуют своего дальнейшего разрешения в законодательной плоскости. Так, в законе говорится о неподтвержденном приобретении земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в качестве объекта неосновательного обогащения, но при этом ничего не говорится о денежных средствах, находящихся на счетах

проверяемых должностных лиц. Иными словами, закон определяет незаконное обогащение только как результат распоряжения денежными средствами, общее суммарное выражение которых не составляет официальный доход должностного лица. Подобный подход не в полной мере отвечает целям противодействия коррупции, так как позволяет чиновникам участвовать в коррупционных отношениях, накапливать и хранить криминальный капитал в целях его дальнейшей трансформации в конкретные виды движимого и недвижимого имущества, но после сложения с себя полномочий должностного лица. При этом, в отличие от необоснованных расходов, которые подлежат обращению в доход государства (п. 8 ч. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ), неподтвержденные доходы по смыслу ч. 9 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» остаются у должностного лица, а максимальная ответственность, которая ему грозит, заключается в отстранении от должности.

Обращает на себя внимание и привязка незаконного обогащения исключительно к должностному лицу, в то время как и иные служащие могут выступать в качестве прямых участников коррупционных отношений. Кроме того, российские реалии ясно свидетельствуют об активном участии в коррупционных отношениях родственников коррупционеров, но законодатель почему-то отказался закреплять правовое оформление презумпции виновности в незаконном обогащении в отношении совершеннолетних детей и родителей должностного лица, которые зачастую также активно участвуют в прикрытии коррупционных сделок. Возникает закономерный вопрос: что мешает применять такие правила в отношении всех физических лиц? Тем более что ранее подобная законодательная попытка уже предпринималась. В 1998 г. в России был принят Федеральный закон «О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемым физическими лицами доходам» № 116-ФЗ, в котором закреплялась обязанность физических лиц декларировать свои крупные расходы и меры ответственности за ее нарушение¹¹. К сожалению

¹⁰ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : федер. закон РФ от 3 дек. 2012 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50, ч. 4. Ст. 6953.

¹¹ О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемым физическими лицами доходам : федер. закон РФ от 20 июля 1997 г. № 116-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 30. Ст. 3612.

нию, этот закон вскоре был отменен, а идея о правовом регулировании и реагировании в отношении крупных расходов физических лиц так и не была нормативно отражена в действующем законодательстве. Представляется, что современное состояние коррупции в российском обществе и возрастающая роль государственного воздействия на нее обуславливают необходимость возвращения этого закона в новой редакции, которой предусматривались бы меры гражданско-правовой и административной ответственности в отношении любых физических и юридических лиц, расходы которых не соответствуют их официальным доходам.

Наконец, представленный механизм борьбы с незаконным обогащением в рамках контроля за расходами должностных лиц не исключает различные варианты легализации неподтвержденных доходов. Если уголовный закон предусматривает ответственность за легализацию денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем, то действующие нормативно-правовые акты антикоррупционного законодательства не предусматривают каких-либо мер противодействия деяниям, которые совершаются в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению неподтвержденным имуществом.

Конечно, правовое закрепление незаконного обогащения в качестве противоправного имущественного положения должностного лица не следует рассматривать как панацею от коррупции и универсальное средство предупреждения возможного криминального обогащения должностными лицами при использовании ими своих служебных полномочий вопреки интересам государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Но правовая регламентация ответственности за незаконное обогащение обладает рядом преимуществ. Во-первых, правильное правовое закрепление незаконного обогащения в качестве противоправного состояния обяжет уполномоченные государственные органы реагировать на факты значительного несоответствия официальных доходов их расходам. Во-вторых, закрепление ответственности за незаконное обогащение также будет способствовать сдерживанию деструктивных процессов криминализации общественных отношений, поскольку произойдет редуцирование безнаказанности всевластных коррупционеров. Исторически доказана закономерность: безнаказанность порождает произвол. Относительно коррупционных отношений и теневой криминальной деятельности в целом произвол выражается в проявлении вторичной криминальной деятельности и формировании у сторонних наблюдателей стереотипов допустимого нарушения закона. В-третьих, правильная регламентация правовой ответственности за незаконное обогащение позволит начать выводить из теневых сектора экономики криминальные активы, аккумулированные в сфере российского рыночного хозяйства.

Однако не стоит забывать и то обстоятельство, что заявленный правовой инструмент антикоррупционной политики останется юридической фикцией, если не будут созданы необходимые для его реализации условия, в числе которых прежде всего следует отметить политическую готовность борьбы с лицами, живущими не по средствам, и адекватную правоприменительную практику прямой реализации норм об ответственности за незаконное обогащение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Muzila L. On the Take: Criminalizing Illicit Enrichment to Fight Corruption / L. Muzila, M. Morales, M. Mathias, T. Berger. — Washington DC : World Bank, 2012. — 124 p.
2. Zhanat A.M. On the implementation of article 20 of the United Nations Convention against corruption into the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan / A.M. Zhanat // Life Science Journal. — 2014. — № 11. — P. 345–348.
3. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice / J. Albanese. — 3rd ed. — Apocalypse Publ., 1990. — 310 p.
4. Milovanovic D. Postmodern Criminology / D. Milovanovic. — N.Y. : Garland Publ., Inc., 1997. — 280 p.
5. Wilsher D. Inexplicable wealth and illicit enrichment of public officials: a model draft that respects human rights in corruption cases / D. Wilsher // Journal of Crime, Law and Social Change. — 2006. — № 1. — P. 27–53.
6. Борков В.Н. Предпосылки формирования трех рубежей уголовно-правового предупреждения коррупции / В.Н. Борков // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2009. — № 4 (35). — С. 16–20.
7. Беляева Ю.Л. Имплементация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в российское уголовное законодательство / Ю.Л. Беляева // Московский журнал международного права. — 2015. — № 1. — С. 165–175.
8. Волков А.Н. Актуальные вопросы законодательного обеспечения ответственности государственных служащих за незаконное обогащение / А.Н. Волков, О.В. Дамаскин // Современное право. — 2012. — № 4. — С. 32–36.
9. Кузнецова Н.Ф. О совершенствовании уголовного закона / Н.Ф. Кузнецова // Российская юстиция. — 2009. — № 5. — С. 12–16.

10. Клейменов И.М. Международно-правовые стандарты противодействия коррупции, их реализация в антикоррупционном законодательстве России / И.М. Клейменов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2010. — № 4. — С. 74–82.
11. Стороженко И.В. Декриминализация коррупции в России: отечественное «ноу хау» в борьбе с коррупционной преступностью / И.В. Стороженко // Мониторинг правоприменения. — 2012. — № 1. — С. 15–18.
12. Стороженко И.В. К вопросу о создании и применении института незаконного обогащения в России в контексте противодействия коррупции / И.В. Стороженко // Мониторинг правоприменения. — 2012. — № 3. — С. 48–51.
13. Филатова В.В. Международные стандарты по противодействию коррупции / В.В. Филатова // Право и современные государства. — 2015. — № 3. — С. 55–59.
14. Федоров В.В. Статус депутата Государственной Думы Российской Федерации: конфликт интересов, неосновательное обогащение, конституционно-правовая ответственность / В.В. Федоров // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 1 (27). — С. 161–166.
15. Наумов Ю.Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции : дис. ... д-ра юрид. наук : 08.00.05 / Ю.Г. Наумов. — М., 2013. — 325 с.
16. Абросимов Н.В. К вопросу о криминализации за незаконное обогащение в уголовном законодательстве Российской Федерации / Н.В. Абросимов // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 16. — С. 234–236.
17. Козлов Т.Л. Основные направления развития правового регулирования противодействия коррупции в органах власти / Т.Л. Козлов // Диалектика противодействия коррупции : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф., 7 дек. 2012 г. — Казань : Познание, 2012. — С. 80–86.
18. Попов Ю.Н. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства : учебник / Ю.Н. Попов, М.Е. Тарасов. — М. : Дело, 2005. — 240 с.
19. Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идей в правовой системе Российской Федерации / В. Михайлов // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С. 113–119.
20. Овчинский В.С. Криминология кризиса / В.С. Овчинский. — М. : Норма, 2009. — 240 с.

REFERENCES

1. Muzila L. *On the Take: Criminalizing Illicit Enrichment to Fight Corruption*. Washington DC: World Bank, 2012. 124 p.
2. Zhanat A.M. On the implementation of article 20 of the United Nations Convention against corruption into the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. *Life Science Journal*, 2014, no. 11, pp. 345–348.
3. Albanese J. *Myths and Realities of Crime and Justice*. Apocalypse Publ., Co, 1990. 310 p.
4. Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. New York, Garland Publ., Inc., 1997. 280 p.
5. Wilsher D. Inexplicable wealth and illicit enrichment of public officials: a model draft that respects human rights in corruption cases. *Journal of Crime, Law and Social Change*, 2006, no. 1, pp. 27–53.
6. Borkov V.N. Pre-Conditions of the Formation of Three Boundaries of Penal Prevention of Corruption. *Nauchnyy vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry*, 2009, no. 4 (35), pp. 16–20. (In Russian).
7. Belyaeva Y.L. The implementation of Art. 20 of the UN Convention against Corruption of 2003 in Russian criminal legislation. *Moskovskiy jurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International law*, 2015, no. 1, pp. 165–175. (In Russian).
8. Volkov A.N., Damaskin O.V. Topical Issues legislative support accountability of public servants' illicit enrichment. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2012, no. 4, pp. 32–36. (In Russian).
9. Kuznetsova N.F. On the enhancement of criminal legislation. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2009, no. 5, pp. 12–16. (In Russian).
10. Kleymenov I.M. International legal standards of combating corruption, implementation of anti-corruption legislation of Russia. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and law*, 2010, no. 4, pp. 74–82. (In Russian).
11. Storozhenko I.V. Decriminalization of corruption in Russia or national know-how in combating corruption crime. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring law Enforcement*, 2012, no. 1, pp. 15–18. (In Russian).
12. Storozhenko I.V. On the issue of creation and application of illicit enrichment institute in Russia in the anticorruption context. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring law Enforcement*, 2012, no. 3, pp. 48–51. (In Russian).
13. Filatov V.V. International standards of corruption counteraction. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and Modern States*, 2015, no. 3, pp. 55–59. (In Russian).
14. Fedorov V.V. Status of the deputy of the Russian Federation State Duma: conflicts of interests, unjust enrichment, constitutional responsibility. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 1 (27), pp. 161–166. (In Russian).
15. Naumov Y.G. *Teoriya i metodologiya protivodeystviya institucional'noi korrupcii. Dokt. Diss.* [Theory and Methodology of Combating Institutional Corruption. Doct. Diss.]. Moscow, 2013. 325 p.
16. Abrosimov N.V. To the issue of criminalizing illicit enrichment in the criminal legislation of the Russian Federation. *Vestnik Nijegorodskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry*, 2011, no. 3, pp. 234–236. (In Russian).
17. Kozlov T.L. Key direction of the development of legal regulation of counteracting corruption in the bodies of power. *Diialektika protivodeystviya korrupcii. Materialy 2-i Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [Dialectics of Combating Corruption. Materials of 2nd All-Russian Research Conference]. Kazan, Poznание Publ., 2012, pp. 80–86. (In Russian).
18. Popov U.N., Tarasov M.E. *Tenevaya ekonomika v sisteme rinochnogo hozaystva* [Shadow Economy in the System of Market Economy]. Moscow, Delo Publ., 2005. 240 p.

19. Mikhailov B. Article 20 of United National Convention against corruption: liability for illicit enrichment and possible ways of incorporating its meaning in the legal system of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2012, no. 2, pp. 113–119. (In Russian).

20. Ovchinskiy V.S. *Kriminologiya krizisa* [The Criminology of Crisis]. Moscow, Norma Publ., 2009. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лобач Дмитрий Владимирович — доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: dimaved1985@mail.ru.

Смирнова Евгения Александровна — ассистент кафедры трудового и экологического права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: kiki-11@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лобач Д.В. Проблемы имплементации международно-правовой нормы о незаконном обогащении в российское законодательство / Д.В. Лобач, Е.А. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 801–811. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).801-811.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lobach, Dmitriy V. — Ass. Professor, Chair of the Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: dimaved1985@mail.ru.

Smirnova, Evgenia A. — Junior Lecturer, Chair of Labor and Environmental Law, Law School, Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: kiki-11@yandex.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lobach D.V., Smirnova E.A. Issues of implementing the international law norm on illicit enrichment in Russian legislation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 801–811. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).801-811. (In Russian).